

Сергей ФОКИН АДСКИЕ ВРАТА

@ЭЛИТА

16+

Сергей Фокин

Адские врата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7147591

Аннотация

Прошло пять лет после того, как мать кузнеца Степанида вместе со снохой Оксаной изгнали неудачливого чёрта из села. К тому времени родились у молодых дети – мальчик Алёша и девочка Настенька. И получились они ой какие непростые! Мог Алеша взглядом любой металл, будто пластилин, лепить – отцу в помощники готовился! Настенька же читала на таких языках, о которых, на Земле уже и забыли, наверно.

Только вот не жилось чёрту спокойно в своей преисподней. Показалось обидным ему чистить клозеты у кредиторов. Месть задумал – кузнеца со света сжить. Не остановила его даже мысль, что бабы-то у Николы тоже все как одна особенные. Их силушку своей хитростью превозмочь решил. План вынашивал все эти годы, и потом осуществил его в одночасье, как по нотам. А, совершив пакость, нанёс чёрт кузнецу последний удар ниже пояса – похитил любимых детей, без которых тот уже и жизни не мыслил.

Лишённому бабьей поддержки, впасть бы Николе в отчаяние. Только ответственность за детей всё-таки сильнее оказалась, и

пришлось ему, рискуя жизнью, искать ту единственную ниточку,
которая вела к воротам в ад...

Содержание

Вступление	6
1	8
2	24
3	35
4	41
5	52
6	58
7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Фокин

Адские врата

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Скрипя несмазанными колёсами телег, страна понемногу поднимала голову. Если вспомнить ужасы, происходившие всего-то шесть-семь лет назад, тошно становилось простому человеку. Потому как он всегда был и оставался главной потерпевшей стороной. И кровушки его пролилось немало, и костей рассыпалось по земле русской столько, что хватило бы на десяток монгольских нашествий.

А никакого нашествия и в помине не было. Просто при очередной смене президента проявились из тени те, кто захотел то ли восстановить справедливость, то ли задушить её окончательно. Теперь уже не вспомнить точно, а историков, наблюдавших во все глаза за развитием событий, не осталось. Жили они в больших городах, которые сами исчезли в дыму и пламени революции, будто их не было. Понятно, не в одночасье. Вначале дымили, и вонь распространяли по окрестности невыносимую. Горели не только дома и трупы — ещё и заводы, нефтехранилища, техника... Последними стали взрываться газовые станции. Электричество продолжали исправно давать ГЭС, но лишь до тех пор, пока возбуждённый войной народ до них не добрался. Разлились реки, сметая на своём пути не на месте выросшие деревни и мелкие городки. Много людей тогда уплыло в море, никто не считал, сколько.

Оставшись без нефти и газа, бросился народ делить то, что уцелело по сусекам. Резня длилась недолго: после полномасштабных военных действий в предыдущие годы биться за ресурсы было почти некому. Те, кто поумнее, сразу потянулись к земле. А остальные просто вымерли со временем – от холода и голода. Да и болезни разгулялись при полном отсутствии медицины.

Тогда стала приходить в себя Россия. Много на своём веку она повидала, не впервой было восстанавливаться из пепла.

А на фоне возникшего затишья всё смелее показывала свою личину выбравшаяся из берлог нечисть.

Никола бросил на скамью рабочие рукавицы, прожжённые в нескольких местах, и выкованную железяку. Сегодня он славно помахал молотком; жаль, что младший брат жены в отъезде на неделю – получилось бы раза в три быстрее.

Пять лет миновало, как сошлись они с Оксаной, много с тех пор воды утекло. Пожили и с матерью кузнеца – Степанидой Ивановной, и у родителей жены, чтобы тем обидно не было. Хорошо их встречали в обоих домах. Удивительно, но Оксана оказалась примерной снохой. Никакого разлада у них со Степанидой Ивановной не случилось. Норовистой была девка до свадьбы, все просто диву давались такой перемене! А известно, что и мать кузнеца за словом в карман не лезла, и женщиной слыла образованной. Как тут не поругаться, не поделить чего-нибудь? Однако нашли общий язык.

Да и Никола не смотри, что тюфяк – общался с новой родней, будто знал её всю жизнь. И помогать никогда не отказывался, и подарки при случае делал. Тестю, вон, выковал настоящую саблю. Конечно, по нынешним временам вещь не сказать чтобы нужная, но чем чёрт не шутит, когда Бог спит! А дед, надо сказать, ещё и мечтал всю жизнь казаком стать. У него родня в Запорожье жила, так он с подарком день и ночь не расставался, клал под подушку, пока однажды руку не порезал во сне. После поостыл немного, но мастерство

зятя оценил высоко.

— Острая, шельма! — Говорил и ногтем трогал лезвие. Так, мол, в старину перед боем воины проверяли готовность оружия.

Между тем семейство молодых пополнилось мальчиком Алёшенькой, и пришло время кузнецу думать о новом доме.

Как положено, в этих случаях народ на селе вопросы решал сообща. Александр Иванович, местный староста, несколько раз выделял лошадь и тягач, имеющиеся у него в хозяйстве, чтобы привезти из леса брёвна. Сам Никола был мастер хоть куда, только в компании-то работаетя сподручнее. Приходили мужики, стучали топорами, и не прошло двух месяцев, как дом уже стоял под крышей, оставалось только порядок внутри навести. Тут уж постарались женщины. Степанида Ивановна ездила в город к своему родственнику и привезла оттуда обои для детской комнаты — невиданную роскошь, потому что уже много лет никто в стране их не производил: не работали не только обойные фабрики, но и бумажные комбинаты.

Прикупить и расставить мебель — на это ушёл ещё месяц. А наводила уют Оксана уже после того, как справили новоселье. Праздник был для всей деревни, потому что многие принимали участие в строительстве.

Разложить подаренную на свадьбу посуду, повесить ходики, картину, намалёванную небрежными мазками — всё это доставляет хозяйке радость: вещи-то свои, с ними теперь

жить.

Ещё одно обстоятельство удивило некоторых сельских кушечек. Предсказывали они, что не выдержит кузнец долго такой жены – бойкой, острой на язычок, привыкшей вертеть ухажёрами да насмехаться над ними. Мол, придётся ему либо стать подкаблучником, либо повеситься на первом попавшемся суку. Только вышло всё не так. Конечно, правды никто не знал, но поговаривал народ, что пыталась Оксана в силу своего характера подмять мужа под себя, стать главной в доме. Только после нескольких стычек намотал однажды кузнец на руку её длинную косу и прошёлся жене пониже спины ремнём от упряжи. Вроде как и руку не поднял, и провёл воспитательную работу. Красные следы на ляжках якобы видела одна из старых Оксаниных подружек. Растрезвонила по всей округе, девки с сочувствием своим глупым пришли, а Оксана встала перед ними гордо, задрала юбку, и сказала, как отрезала:

– Смотрите! Пусть что хочет со мной, то и делает. Потому как он муж мне.

У девок глаза на лоб полезли. Нет, не изменилась их подружка, просто поняла, что мужик для неё – авторитет. Ей завидовать нужно, а не жалеть.

Спустя некоторое время соорудил Никола ещё сарай себе под кузницу, и перетащил оборудование от матери. Теперь можно было работать, не выходя из дома. За огородом сделал бурты для томления дров и приготовления древесного угля,

и дело пошло на лад.

Оксана успела только окончить школу, учиться дальше не позволила революция. Но для ведения бабьих дел требовались не специальные знания из учебных заведений, а смекалка да расчётливость. Мало кто знал, что Степанида Ивановна понемногу вспоминала своё бухгалтерское прошлое и главные понятия внушала снохе. У той и сбережения завелись, и хозяйство делалось год от года только крепче.

Вскоре народилась у кузнеца с Оксаной ещё и дочка Настенька. На удивление умные и способные оказались дети. Как-то баловались они с Николой за столом старыми монетами, и отец насмешливо на глазах у Алешки одной рукой смял пополам пятак, вдавив его большим пальцем между двумя другими. Дитя, которому не исполнилось ещё и трёх лет, нахмурил брови и засопел натужено. Подумал кузнец, что сердится сынок, а вышло так, что монета на его глазах распрямилась и загнулась уже в обратную сторону.

Поразился Никола сильно, жену позвал, и дали они мальцу ложку из нержавеющей стали. Что тот с ней только не выделывал! И узлом завязывал, и в рулончик закатывал – точно с фольгой алюминиевой игрался. Без всякого прикосновения рук, одним взглядом! А вот когда попросил его отец вернуть ложке прежний вид, не сумел. Оказалось, до кузнечного пресса ему ещё далеко. Что называется, ломать – не строить. За что и получил хороший нагоняй от родителей – впрок, чтобы соизмерял свои способности с возможностями.

Чуть попозже, когда Алёша немного вошёл в разум, стал привлекать его кузнец к своему делу – поначалу тайно, а потом и явно, потому что такие вещи всё равно прознаются людьми. Случилась как-то летом гроза, и в одном из домов молнией разнесло железную трубу, которая служила на крыше громоотводом. Возникший пожар быстро затушили, а вот трубу спустили на землю и озадаченно осматривали несколько мужиков. Жаль такую вещь после растерзания стихии на помойку нести. Железо дорого, почитай, как продукты. На зерно килограмм на килограмм обменять можно.

– Может, Николе отдать, исправит чего? – почесав затылок, спросил хозяин.

Тут крутившийся рядом Алёшка и показал своё умение. Труба, натужно заскрипев, стала выправляться, её рваная и оплавленная рана – затягиваться, и вскоре железка сделалась как новая. Мужики рты пооткрывали, а закрыли только тогда, когда в присутствии отца мальчишка показал им фокусы с ложкой.

– Циркач! – сказал кто-то уважительно, и за семейством кузнеца закрепилась ещё большая слава специалистов по металлам.

Что касается Настеньки, тут другая история. Кто её сподобил, неизвестно, только заговорила она в восемь месяцев и сразу на трёх языках. Причём никогда не мешала слова из них: если уж начала выражать недовольство на русском, так и продолжала, пока ей мать не нахлопает. Воспитывали, на-

до заметить, своих детей молодые в строгости и уважении к старшим.

То, что овладела она без всякого обучения двумя-тремя языками, говорило о врождённом уме девочки. Отец Савелий, местный священник, сказал, что, похоже, языки не современные, а древние. В доказательство неоднократно показывал народу добытые им разными путями старинные церковные книги, написанные на древнееврейском, греческом и древнеармянском. Самое удивительное, что научившись читать в два с половиной года, Настенька перевела все эти книги, и оказалось в них так много непонятного простому православному служителю церкви, что отец Савелий строго-настрого запретил девочке говорить кому-либо об этих чтениях, а продолжал интерпретировать содержание книг так, как ему было удобно.

Однажды Оксана оставила на столе записку с накарябанными словами. Прочитать-то их Настенька смогла, а вот разобрать, о чём они, у неё не получилось. Зато на кухне чуть не вышел пожар – ладно, родители недалеко были, успели потушить. Оказалось, Степанида Ивановна снохе заговор на разжигание печи собственного изобретения дала. Спички ведь тоже в цене стали, хотя, поговаривали люди, где-то под Кировом заводик по их производству был восстановлен после революции и исправно работал. Тем не менее обе хозяйки пользовались открытыми в себе способностями, не заморачиваясь на коробках.

После инцидента собрались как-то на кухне Оксана со Степанидой Ивановной, и, посоветовавшись, пришли к выводу, что далеко не простая у них народилась девчушка. Сила в ней кипела великая, только пока не определившаяся с направлением. И договорились они до поры до времени Настеньку от разных чудес оградить – во избежание несчастных случаев. А тем временем внушать ей правильное понимание происходящего – чтобы не стало неожиданностью, когда проснутся в ней колдовские способности в полной мере.

Кузнец особо не вдавался в бабьи вопросы. Его дело было воспитание супруги, и справлялся он с ним неплохо. А уж учить уму-разуму детей – это, как водилось на Руси, было делом женским. Что, впрочем, не исключало вмешательства и отца, если требовали обстоятельства. Но обычно родитель учил собственным примером – в первую очередь, отношением к работе.

В тот день, когда началась эта история, Никола вернулся из кузницы довольный собой и направился на кухню смыть с лица копоть.

Уже смеркалось, тёплый июньский день заканчивался, в небе появилась первая звезда. Комары затянули свою занудливую песню. Детишки играли в куче песка во дворе. Оксана то ли пошла к соседям, то ли вышивала в соседней комнате – её слышно не было.

Утираясь полотенцем, глянул Никола во двор – и обмер.

То, что он увидел, ни в какие ворота не лезло. Возле кучи песка, в которой возились Алёша с Настенькой, стоял он сам, и, улыбаясь во весь рот, что-то говорил и подзывал малышей к себе.

Простояв в замешательстве несколько секунд, почувствовал кузнец неладное. Не могло ему такое примерещиться. Он даже глаза протёр для верности. Морок не пропадал, наоборот, взяв детей за руки, повёл куда-то в дальний конец двора.

Тут уж Никола очнулся. Рванулся к двери, подхватив палку, на которой сынок вечерами скакал вместо лошадки. Выскочил во двор – и снова замер, как будто к месту пригвождённый.

Ухоженный двор был, места на нём хоть отбавляй. И детишкам порезвиться есть где, и приладиться с хозяйством, если что потребуется. Возле калитки, ведущий в огород, там, где всегда куча песка лежала для печных работ, горел кровавым зёвом разлом в земле. И бил из него в темнеющее небо дрожащий огненный луч – будто огонь в печи мечется. Похоже, так оно и было, потому что края ямы дымились от жара: земля горела, и плавился песок, превращаясь в стекляшки бесформенные.

А возле трещины стоял уже не он сам, а чёрт, держащий под мышками ревущих в полный голос ребят. Старый знакомый, с которым у кузнеца имелись свои счёты! Правда, было время, выплатил он по ним полную меру, да видно, не доложил полушку. Не успокоился нечистый, опять за своё взялся.

Дети снова в рёв дались, Настенька даже ногами засучила, будто в истерике!

– Стой! – закричал Никола, не подумав, что выдаст тем самым своё присутствие. Да, похоже, чёрту только того и надо было. Оглянулся он, встал спиной к разлому – гордый, уверенный в своей власти, и с гадкой ухмылкой произнёс:

– Говорил я тебе, кузнец, что не поможет тебе твоя силушка. Пришло время расплаты. Вспомни, как ты обошёлся со мной в прошлый раз!

– Детей оставь, нехристь! Давай сойдёмся в честном бою, – прорычал Никита, отчетливо понимая, что никто его слушать не собирается.

– Можешь называть меня чёрной душонкой, злыднем, нехристом – мне только приятнее. Почему я должен любить тебя и твоих детушек? Это вы, люди, придумали мораль и остальную чепуху. – Чёрт встряхнул свою добычу, потому что, услышав голос отца, ребята перестали плакать. – А честный бой придуман дураками.

– Что же ты на беззащитных-то позарился? Почему не с меня начал? – Говоря так, Никола попытался сделать неприемлемый шаг вперёд, но чёрт его поспешно оборвал:

– Стой там, кузнец! Знаю я твои штучки... С детишек начал, потому что так больнее будет. Что мне твои раны и царапины? Вот когда душа закровоточит – другое дело. Но ты ещё не всё знаешь. Много сюрпризов я приготовил нынче. Вспомнишь меня! Только не найти тебе ключей от преиспод-

ней, сколь ни старайся.

Зарычал тогда не своим голосом Никола и кинулся к разлому. Однако чёрт оказался сноровистее. Развернулся – да прыгнул в огонь. Правда, успел вослед запустить кузнец палкой – угодил нечистому между лопаток. Но визг донёсся уже снизу, затухая, потому как вслед за их исчезновением принялась трещина затягиваться, и через несколько мгновений осталось на её месте только выжженная трава.

Подбежал Никола, задыхаясь от гнева – а пришлось пустое место ощупать. И забурило в душе кузнеца желание схватить лопату и начать копать, копать до самого ада, а потом тем же инструментом произвести среди бесов самосуд. Только подумал он секунду и понял, что не всё так просто, как хотелось ему видеть. Не добраться до преисподней с помощью лопаты, маши он ею хоть до самого рассвета. Это только видимость одна, что рядом чёртово царство. На деле же заколочено оно сотней колдовских уловов, тысячами ловушек и миллионами трудностей да опасностей. Впрочем, сейчас кузнеца опасности да трудности не пугали. А вот что касается уловов волшебных... Тут он был не мастак.

И разом вспомнил Никола о жене. Вот кто может что-нибудь подсказать! Недаром в бытность свою летала она в районный центр на метле. Чудо, конечно, из разряда не поддающихся здравому объяснению, но раз случилось такое, значит, не всё известно кузнецу, что Оксана может. По своей недоверчивой натуре не спрашивал он подробности той но-

чи, потому как всё равно сомневался бы в правдивости девушки – уж больно о вещах она намекала невероятных. Да сейчас, похоже, обычными вещами и не обойтись.

Поднялся Никола с колен, отряхнулся и поспешил в дом. Жена-то ведь ещё ничего не знает о несчастье.

– Оксана! – позвал громко, едва зайдя на порог, только не ответил ему никто. «К матери, что ли, ушла? – подумал кузнец. – Обычно предупреждала, и детей с собой брала...» Тревожно стало у него на сердце, беду оно почувствовало.

Открыл дверь второй комнаты – и точно: хозяйка на полу лежит. Руки в разные стороны раскинула, заплетённая коса поперек туловища покоится, а ноги согнуты, будто подломились от тяжёлой ноши.

Не помня себя, рванулся Никола к жене, подхватил под спину и прижался ухом к груди. Тук-тук, тук-тук... Бьётся сердце, значит, жива! Слава Богу!

– Оксанушка, что с тобой? – произнёс нежно, хотя пробивалась через голос дрожь: а вдруг случилось что-то непоправимое?

Девушка даже глаз не открыла. Лежит красивая, как пять лет назад – словно не повзрослела нисколько. Фигура точёная, как и прежде, лицом не поправилась... Разве что грудь немного увеличилась после кормления, так для любого мужика это только за радость.

Позвал кузнец по имени ещё раз, и опять без результата. Что за чертовщина? И кольнуло в мозгу воспоминание:

«Но ты не всё знаешь. Много сюрпризов я приготовил нынче. Вспомнишь меня!» Неужели и это его проделки?

Туманным от горя взглядом осмотрел Никола комнату, и увидел вдруг красное яблоко, закатившееся под кровать. Полез за ним, достал – надкушено оно.

Откуда могло здесь взяться в начале лета? Прошлогодние запасы давно поели, либо засушили, чтобы добру не пропасть. А это свеженькое лежит, будто только с дерева сорвано. Прозрачное, разве что зёрнышки не видно. Сразу мысль мелькнула: вкусное, наверно, по-другому и быть не может.

Никола даже рот открыл, чтобы в задумчивости откусить да распробовать, только вовремя себя остановил. Вот, значит, под какой личиной беда в дом пришла! Не иначе, заговорённое яблоко-то. Поэтому и отведать его захотелось, и аромат одуряющий оно испускает, как может только свежая антоновка в погребе пахнуть.

Застыл кузнец на минуту, поразмыслил, потом поднял аккуратно жену, донёс до кровати и положил прямо поверх покрывала. Похоже, сейчас он ей ничем помочь не сумеет, потому как в волшебстве не силен. Нужно идти к матери. Она много чего повидала в жизни, авось, подскажет, в какую сторону двигаться.

Поцеловал Оксану в губы, почувствовал – тёплые, живые. Дыхание ровное. А когда прикоснулся к лицу – вздохнула будто. Живая, но спит беспробудным сном.

– Прости, – сказал, склонив голову. – Полежи пока. Детей

нужно спасать.

Открыл заслонку печи – и бросил яблоко в остывающие уже угли. Раздалось громкое шипение, будто наступил ногой на змею подколенную. Передёрнуло Николу от этого, решительности прибавило. Отправился он к матери.

Степанида Ивановна, мать кузнеца, в бытность свою работала бухгалтером в одной из фирм, промышленяющих перепродажей товаров из-за бугра. Своего-то в стране почти не производилось, торговые связи к Китаю тянулись уже не ниточками, а толстенными канатами. По одному из них закупала фирма продукцию первой необходимости – подгузники, памперсы, гигиенические прокладки и шампуни против перхоти. Изготавливалось всё это на востоке дедовскими методами – памперсы склеивались ПВА или прошивались степлерами, шампунь мешалась в корыте с разными красителями, а потом разливалась через воронку по флаконам с символикой раскрученных брендов. Но поскольку китайцев было много, и всех нужно было чем-то занимать, то, навалившись гуртом, давали они производительность, в десятки раз превышающую скорость любой европейской линии по разливу подобной химии. Раскупалось всё не сказать, чтобы влёт: конкуренция в лице соседей-перепродавцов то жалила, то на хвост наступала, но, тем не менее, все жили припеваючи. Хозяин фирмы позволял себе раз в год менять «лексусы» на «ягуары» и обратно, главный бухгалтер ездил по разным странам и потом брезгливо говорил, как там прозябают ка-

питалисты, а подневольный народ потихонечку копил деньги на приусадебные участки за городом. У всех были мечты на пенсии сажать морковку и лук.

Во время одной из предреволюционных забастовок уго-раздило Степаниду Ивановну подставить голову под падающий транспарант, и лишилась она памяти – стала будто Будда: глазами хлопала, а мыслей в голову не допускала. По той причине, что думать сделалось не о чем: забылось всё, что с нею прежде происходило. Начала она, таким образом, жизнь с чистого листа. И – удивительное дело! – обнаружила у себя на фоне пропавшего багажа знаний новые способности. Стала своего рода экстрасенсом, а по-старому, ведьмой. Летать на метле научилась, управлять вещами на расстоянии, составлять рецепты разных отваров и снадобий. Жизнь женщины заиграла разными, доселе неведомыми, красками, и не сказать, чтобы ей это не понравилось. А потом, к слову, и память начала понемногу возвращаться. Но к тому времени они с сыном уже перебрались из города в село.

Надо заметить, что за прошедшие после первой истории годы Степанида Ивановна не только не постарела, а даже похорошела. Объяснить это можно по-разному. Кто-то говорил: с внуками нянчится почти каждый день, а ей это за радость – вот и молодеет. Другие махали рукой и, наоборот, утверждали с видом знатоков: «А что ей стареть? Одна живёт баба, для себя. И с хозяйством не переломится, и забот особых не знает...» Отчасти правы были и те, и другие. Только

имелись ещё причины, из-за которых чувствовала себя Степанида Ивановна замечательно. Регулярно, раз в год, варила она молодильный отвар. Рецепты, как водится, возникали в её голове сами, по первому требованию. Лишь подыскивать ингредиенты порой бывало сложновато. Помимо трав загадочных приходилось ещё ловить пауков, сдирать с их спины хитиновую пластину с изображением креста, искать тритонов, извлекать у земноводных органы, добывать змеиный яд в строго определённые дни месяца. И много другого неприятного... Ну, да чего не сделаешь ради красоты. И, опять же, периодическое общение с Лешим чего стоило! Этот медведь заставлял её снова почувствовать себя желанной, разжигал огонь в душе. А что ещё нужно женщине для тонуса?

Мужики в селе на фоне повсеместно развивающейся депрессии тянулись к ней, как мухи на мёд. Наверно, имелись среди них и достойные люди – вдовцы, например, и работающие, только не торопилась Степанида Ивановна себя обязательствами связывать. Принимала гостей, самогончой потчевала, иной раз спать укладывала, чем приводила их в неопикуемый восторг, потому как баба она была, что называется, знойная. Но серьёзных отношений не прививала.

Никола знал свою мать, и её одиночество воспринимал как жертву внукам.

Между тем имела Степанида Ивановна привычку раз в месяц на денёк-другой отправляться в город к двоюродному брату, и злые языки утверждали, что есть-таки у неё в рай-

онном центре любовник. Только кузнец от таких слухов досадливо отмахивался. Да и не его, в сущности, было дело.

Дверь в дом оказалась открыта, но в кухне и комнатах матери не оказалось. Заглянув на огород, в баню и сарай, Никола, расстроенный донельзя, снова зашёл попить воды. Обычно, отлучаясь надолго, Степанида Ивановна навешивала на двери маленький замок – больше для видимости, чем для защиты от воров. Сейчас тот лежал на полке у входа...

И тут на столе заметил он записку. Взял, чтобы прочитать... Почерк принадлежал матери – ровный, уверенный, наработанный годами офисного труда.

«Коля. Я отлучусь на несколько дней. Извини, что без предупреждения. Так вышло. Не скучайте. Мама».

Будто гром под потолком грянул, отозвавшись в голове звоном. Всё, конец. Остался он один, никто теперь не поможет. Чёрт постарался на славу!

Выдохнул Никола, и понемногу отчаяние стало проникать в его сердце.

План мести чёрт вынашивал не год, и не два. Это по земным меркам прошло всего пять лет с тех пор, как «уволили» его с рабочего места Степанида Ивановна с Оксаной. Применяв, надо сказать, оружие нелогичное и нетипичное. Что называется, бабье. Но подействовало оно на все сто процентов. Поскольку оказался чёрт особью противоположного пола, к тому же нечистью, на которых и было направлено заклинание двух ведьм.

По меркам же преисподней, где за вредность молока не платили, надбавку к пенсии не давали, тянулось время заключения, будто срок каторжанина. При том, что находился чёрт у себя дома, и мог бы расслабиться по полной. Но, если в кармане нет ни гроша, а за душою одни долги, не до веселья.

Словом, встрепенулись и наехали на него кредиторы. Комитет по выделению волшебства сверх возможностей требовал спустить с должника шкуру, а бывшие товарищи, которые под те же проценты ссужали деньгами, взяли его в рабство. И все годы он за харчи отработывал то, что брал с лёгкостью, а вернуть в срок не сподобился.

Это было так унижительно, что, оставаясь один и мучаясь болью в пояснице и суставах, скрипел чёрт зубами, когда представлял себе Николу и его семью. Днём же приходилось

выполнять самую грязную работу – выгребать золу из кострищ, драить отхожие места, прочищать дымоходы, отмывать котлы со сковородами после того, как закончатся пиры. Всё это время питаюсь обедками с чужих столов, исхудал чёрт. Только глаза его год от года приобретали всё более зловещий блеск. И характер тоже изменился. По крайней мере, не думал он больше раболепствовать перед красотой Оксаны, смелости набрался. Мечтал – встречу, мало ей не покажется, стерве!

Конечно, тянула нечистого к себе девка. Справная, не худая, не жилистая. Но как она с ним поступила – за то не было ей никакого прощения.

Потому и в план мести включил он пунктик, по которому и на долю Оксаны выпадала бы своя печаль.

Едва отработал он последний долг, клятвенно пообещав себе больше не связываться с кредитами, как в тот же день выбрался на землю и хорошенько осмотрелся. И то, что увидел, одновременно огорчило его и обрадовало.

Задавшись целью погубить Николу и подгадить его родне, первым делом прознал он, как они теперь живут. И весьма расстроился, узнав, что покорилась Оксана кузнецу, сделалась послушной и любящей женой. И дети у них здоровы, и хозяйство крепкое, и золотишко в укромном месте откладывается регулярно... Впору бы пуще прежнего зубами заскрипеть, а вместо этого затрясся нечистый от радости, даже руки потирать стал, пока не разогрел их до дыма. Ведь чем

лучше живётся людям сейчас, тем горшими для них станут потери. Понятно, что укради он золото, спали сеновал и даже дом – это настоящим горем Никола не назовёт. С такими руками заработать новый слиток для него ничего не стоит. Тем более, что слава кузнеца разнеслась по всем окрестным деревням. Люди к нему очередь занимали. А на золото дом снова отстроить можно.

А вот потеря жены и детей – это статья особая. С первого взгляда определил чёрт – любит Никола всех их больше жизни. Коли так – есть реальный шанс одновременно выполнить обе части плана.

Губить детей в аду не приветствовалось. Что с них взять? Грехов не накопили, вероятность того, что Высший суд определит им наказание, ничтожно мала. А вот украсть, заставив кузнеца позеленеть от злости и натворить кучу глупостей – это в самый раз. Оставалось опасение, что придут ему на помощь ведьмы из родни. Только одна ещё слаба как колдунья, хотя и её со счетов сбрасывать нельзя (материнский инстинкт всякого натворить может!), а вторая – знатная мастерица – своё слабое место имела.

И решил тогда чёрт первые удары нанести именно по женщинам. Они хитрые, изворотливые – не ровен час, найдут на него управу. Только сильнее тот, кто держит в своих руках ниточки от происходящего, и кого не разглядеть за тёмной ширмой.

Посему, вооружившись ядовитыми мечтами, отправился

нечистый прямиком к Кикиморе.

Странная она была баба, противоречивая. Этакий собирательный образ всевозможных злодеев, при этом с весьма обманчивой внешностью. Представлялась она всегда по-разному, в зависимости от того, кого в гости принимала. Причём догадывалась о визите задолго до него, иной раз успевала, если в настроении была, и на стол накрыть.

Сколько лет Кикиморе, никто не знал. Когда-то встарь, ещё по молодости, жила она с Лешим, вела его хозяйство и считала себя лесной. Но, видно, обходился с ней муженёк не всегда по-доброму, поэтому с возрастом становилась Кикимора всё сварливее и нетерпимее. А может, как обычный человек, дал Леший слабину бабе, а та и рада стараться. История об этом умалчивает. Только однажды то ли выгнал он её из дому, то ли сама подалась на болото – да так и обосновалась там.

Леший-то для себя деревенских девок воровать начал, поэтому больше человеческого сохранил. А подруга его бывшая, по этой же причине, осерчала на людей. На дух их не переносила. И если забредали они в болото, назад уже не возвращались. Могла она использовать мужиков, обернувшись красавицей (для неё это было пустяковым делом), а потом съедала растомленных и обессиленных; иногда сразу заводила в трясины и пополняла свою коллекцию утопленников.

В её дела даже Леший особо не лез. Конечно, связь они

со временем наладили, только женщины ведь стареют быстрее – после молодухи возвращаться к старой жене вряд ли надумаешь. А надобно ещё сказать – не в укор, а по совести: настоящий вид Кикиморы стал очень отталкивающим. Покажи её младенцу – имелся риск, что будет дитя заикой. И сделать с такой внешностью ничего не получалось. Волшебство в этом случае не работало во избежание нарушения всеенских законов, а пластические хирурги почему-то в болото забираться не торопились.

Одно обстоятельство Кикимору успокаивало: могла обернуться она на время хоть девочкой десятилетней. И активно пользовалась этим, когда людей губила.

Лучшего помощника в деле мщения чёрту вряд ли было сыскать. Особо наряжаться он не стал, помня, как попал однажды впросак с настроением хозяйки. Обернулся он тогда щёголем да приволок букет чуть ли не из магазина, а встретила его старая карга, которая к тому же была не в духе. Цветы пришлось срочно бросать в трясины, чтобы не позориться.

В этот раз всё вышло иначе. Кикимора предстала его взгляду сочной моложавой женщиной, чем-то напоминающей Степаниду Ивановну, и приветливо пригласила в дом. Сарафан одела самотканый, каких даже в тяжёлое время народ не производил – забыл, как это делается. Поверх накинула кофточку с затейливым рисунком – ни дать ни взять деревенская модница.

Жила она в самом центре болота – там, где человеку делать просто нечего, только смерть искать. Изба стояла на четырёх сваях в обхват толщиной, вбитых в самое дно – а до него, почитай, пешком идти полдня. Шутка у хозяйки такая имелась. Если серьёзно, проверить её слова никто не мог. опускалась туда одна Кикимора – чтобы пообщаться со своими любимчиками. И в последние десятилетия делала это всё чаще. Утопленники, потерявшие всякую связь с землей, были рады и такому развлечению. Это вам не на тёплом кладбище лежать, где каждый червяк тебе друг, товарищ и брат. Раствориться можно от тоски...

Внутри дом ничем не отличался от обычного деревенского. Тут имелось всё, что требовалось в хозяйстве. Даже мебель фабричная стояла. А закупалось это на обычном рынке. Пользуясь способностью к превращениям, старуха могла себе такое позволить. От скуки делала она иногда набегу на окрестные деревни. Угадывала с торговым днём – чего-нибудь покупала и возвращалась домой довольная. Нет – значит, обязательно встретится со своими сестрами двоюродными – домовыми Кикиморами – напьётся самогона и набедокурит. То детей крала, то молоко у коров высасывала, как телёнок – прямо из вымени. В общем, с одной стороны, паскудная была баба. А с другой...

С удовольствием обратив внимание, что на белой скатерти стоят десяток тарелок, наполненных разной снедью, чёрт одёрнул себя: не для того пришел, чтобы утробу набить. Хотя

за последние пять лет ему досыта удавалось поесть нечасто.

– Милости прошу к столу! – широко улыбаясь, проговорила хозяйка. – Давненько не заглаживал.

– Да и сейчас по делу, исключительно по делу, – скроив строгое лицо и подсаживаясь на лавку, ответил чёрт.

Кикимора извлекла из шкафа литровую бутылку какой-то жидкости, наполнила рюмочки чуть выше половины и сказала со смехом:

– Знаю я твои дела! Опять на кого-нибудь глаз положил?

Нечистый фыркнул, опрокинул самогонку, закусил маринованным белым грибочком, и покачал головой:

– Нет, хозяйшкa, теперь всё по-другому! Не до женщин мне нынче.

– Что так? Или хворь замучила? – участливо спросила Кикимора, хитровато сощутив глаза, и предложила: – Могу помочь, если что. Травы и настои имеются.

– Не до того мне. Лелею мечту одну заветную. Уже много лет, как лелею. Скажу даже больше, – чёрт многозначительно поднял указательный палец, – вынашиваю!

– Ого! – Хозяйка сделала круглые глаза и налила ещё по рюмочке – на этот раз до краёв. – Поведай, если не скрываешь чего.

Они выпили разом, так что чёрт даже вздрогнул. Потом, откашлявшись, ответил:

– Скрывать нечего, и так всем позор мой известен. Выгнали меня из села с треском, не помогла даже силовая артил-

лерия. Это образно, конечно.

— Кто же тебя так, родимого? — участливо потрепав гостя по волосатой щеке, спросила Кикимора. Щёки у неё покраснелись, и по всему было видно, что получает она от разговора сплошное удовольствие. Да и то сказать — нечасто нынче выпадает вечерок новостями побаловаться.

— Известно, кто — кузнец Никола со своей женой Оксаной и матерью.

— А! — оживилась хозяйка, снова подливая самогона. — Кажется, я кое-что о них слышала. Знатный, поговаривают, мастер. Может блоху подковать. Да и жинка ему досталась на загляденье. Не в ней ли всё дело, признавайся? — Кикимора даже хохотнула, что заставило чёрта ещё больше насупиться.

— Может, и было такое мнение с моей стороны, — отозвался он слегка обиженно и икнул, — только после того, что они со мной сделали, месть моя будет страшной...

— Вот что, касатик, я тебе скажу... только вначале... — Она опрокинула рюмку и знаком потребовала, чтобы гость не отставал. — Дело ты затеял хорошее. Но, похоже, не с теми связался. Мать-то кузнеца — бой-баба. Пролетала она несколько раз над болотом. Даже поцапались мы с нею из-за одной травки. Не растёт она нигде в округе, только у меня под бочком. А кому попало я её не раздаю. Эффекты та травка оказывает в отварах необыкновенные. Не ведаю, откуда Степанида про неё узнала, но... поговорила я с нею — и дала, что она просит.

– Ик!.. Испугалась? – сощутив глаза, предположил чёрт.

– Нет. Зауважала. За знание её, за напористость, за подход.

– Она с твоим мужем живёт! – съязвил нечистый.

– Так ему и надо, стоеросовому! – благодушно отмахнулась Кикимора. Чёрт ожидал не такой реакции. – К тому же он бывший муж! – Она снова усмехнулась и взглянула на него по-особому – да так, что гостю сделалось не по себе. Закрались в его голову первые сомнения насчёт правильности выбора союзника. Похоже, женщине нужно совсем другое.

– Размажут они тебя по своему огороду – без скребка не собрать, – продолжила хозяйка, снова погладив собеседника по щеке, потрепав за бакенбард и плавно перейдя к голове. Зарывшись пятернёй в куцую шевелюру, пробормотала про себя: «Лысеет ведь... Помочь нужно мальчишке...» Потом добралась-таки до рогов, взялась за один и притянула чёрта к себе. Впившись в его губы, смачно поцеловала, оттолкнула, и, вздохнув, снова наполнила рюмки.

– Вот ведь народ пошёл! – произнесла при этом. – Сами не понимают, на что идут. Амбиции глаза туманят. – Искомандовала: – Пей! Ещё по одной – и баста. Не люблю, когда наутро болит голова.

– Что мне...ик!.. посоветуешь? – спросил озадаченный её поведением чёрт.

– Ну, как ты за руль-то теперь сядешь? Оставайся, коли напился до чёртиков. Кстати, это мне достаточно, а ты нали-

вай, сколько влезет. Такого добра не жалко, – ответила она, потом спохватилась: – Да, только не забывай закусывать. Сомогон – вещь коварная. Сама гнала.

– Я про Николу! – Чёрт попытался было направить разговор в нужное русло. Опрокинув ещё рюмку, он почувствовал, что наконец-то, расслабился. – В печёнках он у меня сидит... Сжить его со света хочу, понимаешь?.. Нет, ты скажи, ты меня понимаешь?

– Понимаю! – кивнула Кикимора. – Ой, как понимаю! Тебя!

– А эту Оксану положу на одну руку, а другой...

– Дурак! – тотчас отозвалась хозяйка. – Она баба, к ней подход нужен. А ты, как коновал, напрямую прёшь. Вот Никола – тот артист! О, какой артист. Ты думаешь, что на ладони он весь – смотри на него со всех сторон, ничего не скроется? Как бы не так. Есть у него двойное дно. Как у моего болота! – И Кикимора нехорошо усмехнулась. Впрочем, это была не угроза, а только констатация факта.

– Он мужик-лапотник! – скривился в усмешке чёрт. – И я его тоже...ик!

– Лапотник не отхватил бы себе такую кралю! – покачала головой женщина. – И если я тебе не помогу – считай, пропала твоя лысеющая голова.

Нечистый испуганно взглянул на неё, силясь понять: это пьяный разговор, или под сказанным кроется какая-то реальная угроза.

– Жалко мне тебя... по-бабьи, – пояснила Кикимора и поднялась. – Ладно, пошли спать. Завтра дам тебя одну волшебную вещицу. Поможет она вывести из игры Оксану. С матерью сам разбирайся. Не боюсь я её, но и связываться не стану.

Чёрт будто вспотел весь. Значит, поспособствует ему хозяйка болота. Не зря, видать, обратился. Плеснул из бутылки уже сам, поздравил себя с победой и спросил, заикаясь – всё-таки плохо закусывал:

– А что... дашь-то?

– Яблочко наливное. Не переживай. Завтра всё и объясню...

Бражничали они до следующего полудня. А куда белым днём деваться? Здесь имелось хотя бы укрытие от глаз человеческих, а то пришлось бы чёрту или в преисподнюю возвращаться ни с чем и сносить насмешки соплеменников, или хорониться до темноты у деревенских мужиков на сеновале.

Кикимора оказалась бабой с совестью. Впрочем, будь о ней другое мнение, не рискнул бы нечистый лишний раз являться за помощью. Дала она красное яблочко, предварительно окунув в заранее остуженный отвар неведомых трав. Аромат разлился по дому такой, что у гостя слюни потекли.

– Всё в нём – уловка. Есть такие болотные растения, которые насекомых поедают. Они тоже испускают запах. У них училась, – пояснила Кикимора. – Не смотри, что красивое. Опасное очень. Кто хоть кусочек откусит – уснёт долгим сном. Срок назвать не могу, всё зависит от человека, но неделю гарантии дам.

Обрадовался чёрт. За неделю можно горы свернуть, если постараться, не то, что изжить со света обыкновенного кузнеца.

– Залетай с оказией, – сказала на прощание хозяйка. – Подправлю тебе шевелюру. А то даже ухватиться не за что. – Потом задумалась и добавила с сожалением: – И ещё щуплый ты очень... Похоже, в корень пошёл.

Отправляясь к Лешему, уже имел чёрт кое-какой план. Поэтому первым делом заглянул-таки в ад, умудрившись разжиться целым сундуком канцелярских изделий и одной заветной бутылочкой. Помогло яблоко Кикиморы. Отдыхающая кампания бесов никак не хотела верить, что старуха пошла у кого-то на поводу. Пришлось предъявить, умолчав, однако, об уникальных свойствах предмета, и цене, в которую тот обошёлся. Проспорившие не стали ломаться, и чёрт запасся всем необходимым.

Вечером, едва солнце зашло за горизонт, выбрался он со своей ношей на поверхность, и, пытаясь как паровоз, полетел к лесу.

Леший ничуть не изменился с тех пор, как виделись они лет двадцать назад. Тот же огромный громогласный старик с хитрыми лисьими глазами. Борода разве что выросла чуток длиннее, но ведь она подрезается. На лежанке в берлоге стало больше на одну медвежью шкуру. Увидел её чёрт – и поёжился. Даже представить неприятно было, в каком бою она добывалась. А старик всё такой же насмешник – то щелчка даст гостю по носу, то в бок ткнёт в самый неподходящий момент. По этой причине вначале старался тот держаться подальше, через стол. Но с такого расстояния доверительную беседу вести не получалось. Пришлось пересаживаться и терпеть...

– Говоришь, есть у тебя желание, чтобы оставил я у себя Степаниду подольше? – сузив глаза, спросил Леший. Был он

очень неглуп, и провести его представлялось делом безнадёжным. А вот уговорить...

– Точно так! – кивнул чёрт. – Очень большое желание. Обязан буду по гроб жизни.

– На что мне твоя обязанность и даже жизнь? – развёл руками старик. – Всё необходимое у меня и без того имеется.

– Хозяйки нет! – быстро намекнул чёрт. – А какой дом без хозяйки-то?

– Гм... Верно говоришь. Только не возьму я в толк, зачем мне Степаниду удерживать? Девоч молодых в деревнях появилось много, а ты мне старуху подсовываешь? – Во взгляде Лешего зажглись искры. Вот уж не ко времени пробило его на хохму! Нечистый досадливо поморщился. Ведь понимает, медведь, о чем речь идёт, а всё дипломатию крутит!

– Такой бабы не найти тебе! – Про себя же съязвил, не боясь быть услышанным: «Сам-то, поди, не шибко молодой!» – Что юнцы? Прибраться не могут толком, а как обед готовят? Опять же, запасы в зиму кто будет делать? Не приспособлена ещё к тому молодежь!

– И про то верно, – согласился Леший. – Ночью они тоже как бревна. То ли боятся, то ли межуются. В прошлый раз так и вернул одну корягу домой, хотя подмывало задушить её подушкой.

– Вот-вот! – обрадовался его собеседник. Кажется, дело пошло на лад.

– Только как же я её удержу? Не простая она баба, сам

знаешь. Не положено нам ведьму насилить. – Старик развел руками. – Уговорить-то, конечно, попробую, только внуки у неё нынче на первом месте.

– Я об этом уже подумал! – чёрт подвинулся к хозяину берлоги вплотную. – Напиток припас для такого случая особенный. Память он отбивает начисто.

– Да что ты, окаянный! – замахал руками Леший. – У неё, поди, и так в башке пустота. Не говорила, разве, она тебе про травму-то свою?

– Говорила! – Нечистый даже на шёпот перешёл от азарта. – Только будет у вас всё понарошку, несерьёзно. К тому же совсем ненадолго. Она даже соскучиться не успеет. Ты представишься ей, к примеру, шефом по работе.

– Каким еще, к дьяволу, шефом? – изумился старик. – Что это за хрыч такой? Первый раз слышу.

– Это не имя! – поморщился чёрт. Вот деревенщина, элементарные вещи объяснять нужно. – По-другому – начальник отдела. Придумай какое-нибудь имя, например, Михаил Потапович. Войди в роль, увлеку заданием...

– Да откуда же мне знать, какая у меня роль и чем её увлечь?! – Леший хотел было сразу откреститься от бредовой идеи, но гость так горячо заговорил, что старик решил послушать ещё немного.

– Я всё рассчитал. Скажешь Степаниде, что она обыкновенный бухгалтер. Ничего выдумывать не придётся. В городе ей десять лет на сопроводиловке сидеть приходилось. Всё

знакомо до последней закорючки. Ты – руководитель, и знать ничего не обязан. Управлять – это твоё.

– Поставить бабу на место, что ли? – недоверчиво спросил Леший.

– Точно! – обрадовался гость. – Пусть знает его. И делает квартальный отчёт. Так и скажешь – квартальный. А чтобы ничего не перепутал, записочку я тебе передам специальную. Всё, что требуется сказать, написано там будет....

– Печатными буквами? – поморщился старик. – Имей в виду, я без очков плохо вижу.

– Печатными и крупными, чтобы поменьше слов убралось. Чем реже ты будешь говорить и при этом громче рычать, тем лучше, – успокоил его чёрт. Внутри он ликовал! Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!.. Кто это сказал? Впрочем, неважно. К текущему делу очень даже подходит.

– Записка тоже непростая. Текст меняться станет. Но если доведет тебя Степанида – можешь не обращать на слова внимания, руби с плеча. Бухгалтеры это любят.

– Постой-ка! – вдруг спохватился Леший. – Как же её привлечь со мной постель делить, ежели я обыкновенный... гм... шеф? Ему это не положено.

– Ещё как положено! – в восхищении самим собой вскричал чёрт. Поистине, с похмелья всё получается лучше, чем у трезвого. – Отдел спит и видит себя любовницами начальника. Степанида ничем не отличается от других дам. Если

намекнуть, что от неё зависит судьба отчёта и нужно сдать его в ближайший месяц – она будет жить на работе... Ну, и выполнять все сопутствующие обязательства, – закончил как можно небрежнее.

Заворчал Леший, что уж больно всё гладко на словах получается, а на деле опять он в дураках остаться может.

– Ты думаешь, она помнит, что была когда-то бухгалтером и делала отчёты? Чёрта с два! – рыкнул в сердцах. – Бухгалтеры не должны хвататься за поварёшку и лупить ею по темечку, только оттого, что мужик неправильно ущипнул. Какого хрена ты не проинструктировала, где тебя можно щипать, а где нельзя?

– Вот и отыграешься! – подсказал черт, хитро подмигнув. – Ей нельзя будет перечить. Ты её с работы выгнать можешь.

Покачал старик недоверчиво головой, повертел в руках бумажку с всплывающими подсказками, заглянул в сундук с канцелярской утварью – и согласился попробовать. Будь что будет. А то ведь Степанида всегда точно на иглах у него живёт: как там её кровиночки дома, не обидел ли кто их... Леший, грешным делом, думал даже предложить ей прилететь к нему вместе с ними, только не решился: уж больно непривычный он к детскому саду. А раз случай сам поворачивается, почему не рискнуть?

Степанида Ивановна явилась ближе к полуночи – взволнованная полётом и раскрасневшаяся от встречного ветра. «Ни дать ни взять – девчонка!» – отметил про себя Леший, крикнув от удовольствия.

Их отношения нельзя было назвать простыми, потому что когда сходятся два ярких характера, неминуемо быть конфликту. Но то ли притяжение пересиливало, то ли судьба вплетала в свой ковёр две жизни одной нитью – продолжали они встречаться на лесной территории уже, почитай, шесть лет. Случались и скандалы, когда рассвирепевший старик прогонял женщину из берлоги, крича, чтобы больше ноги её тут не было, а вослед швырял поломанную метлу. Реже из себя выходила Степанида Ивановна, и тогда билась и звенела на всю округу посуда. Но через месяц всё забывалось, и они снова могли, обнявшись, просидеть всю ночь на полусгнившем пне, отмахиваясь от надоедливых комаров и разглядывая в промежутках между кронами звёздное небо.

И вот тут пришло время упомянуть об одном примечательном моменте. У Лешего была своя заковырка или скелет в шкафу: он не любил летать. Даже больше – панически боялся этого делать, и потому не пробовал никогда в жизни. Встречая и провожая гостью, он как бы приобщался к недоступному таинству, но даже думать, а тем более говорить на

эту тему себе не позволял. Небо одновременно и манило его, и пугало. А однажды вычитал он в человеческой книжке про «рождённый ползать летать на может», и с горькой усмешкой подумал, что писалось это с него.

Никому и никогда не рассказывал он о своей слабости, зная, что может обернуться ему откровенность язвительными насмешками. Когда, например, Степаниде Ивановне вожжа попадала под хвост, имела она склонность мешать кислое со сладким, а горькое с солёным, и в такие минуты по-бабьи не разбирала, что говорить можно, а о чём лучше промолчать.

Так вот, быстренько прибравшись в двухнедельном бардаке, разложила гостя по тарелкам привезённые с собой харчи, чем несказанно обрадовала старика. Тот так привык жить на подножном корме, питаясь, чем Бог пошлёт, что часто не утруждал себя даже охотой, а довольствовался кореньями да шишками. Организму же мужика требовалось кое-что поосновательнее.

А пока домывала Степанида Ивановна заплесневевшие стаканы, налил ей Леший в рюмку наливочки да разбавил на треть рекомендованным чёртом отваром. Правда, понюхал вначале, но никакой отравы не почувствовал.

– Ну, хозяин дорогой, спасибо за тёплую встречу! – с усмешкой сказала Степанида Ивановна, и стало старику немного не по себе: почудилось, будто угадала она, что он ей готовит, и летит бабочкою на огонь.

– Тебе спасибо за угощение и заботу. Отощал совсем на сушёных грибах да ягодах! – отмахнулся Леший.

– Кому ещё заботиться, если не мне, – отозвалась она, игриво склонив голову, а потом разом и опрокинула в себя питьё.

Собеседник во все глаза смотрел, что с нею произойдёт, но и для видавшего виды старика зрелище оказалось непривычным. Степаниду Ивановну будто изнутри стало разбирать на составляющие части да всё это добро перемешивать. На мгновение превратилась она в один расплывчатый клубок мелькающих кубиков, которые вскоре принялись соединяться по какому-то неведомому закону. Сила, совершающая это, показалась Лешему абсолютно незнакомой, он даже природу её осмыслить не мог. «Бог ты мой, сколько всего напридумали изверги!» – мысленно воскликнул дед, вспоминая изворотливых и охочих до новомодного волшебства чертей. Хорошо ещё, что особого дискомфорта и физических мук гостя не почувствовала. Это можно было сравнить с безболезненной мясорубкой, в которой перемалывалась в основном внутренняя составляющая Степаниды Ивановны.

Когда картина стала стабилизироваться, вздохнул старик с облегчением и спрятал остатки жидкости вместе с бутылочкой поглубже в карман.

Лицо Степаниды Ивановны вдруг сделалось каким-то глуповатым, походившим на перезревшую куклу Барби, и она хихикнула в ладошку, смущённо опустив глаз вниз.

Леший даже глаза раскрыл от удивлѣния. Действует!

Между тем гостья бестолково мельтешила руками, поправляя то кофточку на груди, то платье на коленях. Похоже, ей было не по себе.

«Дьявол меня задерж! – спохватился вдруг старик. – Ещё бы не по себе! Она же не понимает, кто такая. А я, старый пень, засмотрелся...» Он торопливо достал из кармана приготовленную заранее бумажку и, слеповато прищурившись, прочитал:

– Ты Степанида... бухгалтер. Меня зовут Михаил Потапович, я начальник отдела... то есть, шеф, – добавил уже от себя, воспользовавшись недавно узнанным словечком. На лице собеседницы мгновенно отразилась какая-то внутренняя борьба – похоже, старая информация, всплывая из глубин памяти, занимала подготовленное ей место. Перезагрузка длилась совсем недолго – объѣм необходимых файлов в текстовом виде занимал ничтожно малое пространство.

– Михаил Потапович! – расплывшись в кошачьей улыбке, произнесла через несколько секунд гостья. – А можно мне сегодня домой пораньше? Молоко убегает.

Леший даже опешил. Такого поворота он не ожидал. Впрочем, на помощь пришѣл листочек.

– Никакого пораньше! Квартальный отчѣт на носу. Срочно делать.

– Вы приказываете мне остаться сверхурочно? – опять пропела Степанида Ивановна.

– Да... То есть, нет, дополнительных оплат не будет! – едва разобрал старик, потому что из-за обилия слов буквы сделались меньше и читать их стало труднее. – Работать будем аврально и... аморально! – Последнее вырвалось у него невзначай, больше для красного словца. Леший даже сам смутился, потому что начини собеседница подбирать рифмы дальше, могло бы дойти и до настоящего разврата.

– Это как же? – томно выдохнула она, закатывая глаза. – А перекуры устраивать будем?

– Будем! И перекусы тоже.

– А что мне сказать мужу? – Гостя всё больше входила в роль подчинённой, но думала явно не о муже, потому что принялась облизывать губы, будто те пересохли. При этом она стала то ли подмигивать Лешему, то ли странно коситься на него, мурлыкая, как кошка над сметаной.

– Объясни так: переходим на военное положение до самой сдачи. Спать возле орудий, лафеты чистить по утрам и вечерам. – Военная терминология давалась хозяину не в пример проще, тут можно обойтись и собственными познаниями. Только Степанида Ивановна оказалась в таком настроении, что всё переиначивала на свой лад.

– А где же у нас орудия? – произнесла она, впадая в экстаз. И даже глаза прикрыла, воображая себе боевую обстановку, а по шумно поднимающейся груди и тазовым движениям Леший прочитал её мысли, как в открытой книге. И нельзя сказать, чтобы это ему не понравилось.

– На боевом посту! – ответил он первое, что пришло в голову. Листочек тем временем содержимое не поменял. Похоже, действовал только в бухгалтерской тематике.

– Пост принят! – хихикнула Степанида Ивановна, но потом сделала над собой усилие и уже серьёзное спросила: – Какие будут распоряжения, Михаил Потапович?

Хозяин хотел по привычке бросить взгляд на шпаргалку, но потом крикнул и сказал, как отрезал:

– Принимаем боевые двести грамм, очищаем котелки до блеска – и через полчаса отбой. И чтоб у меня без всякого! – Он погрозил Степаниде Ивановне пальцем, в который та разве что не вцепилась, и налил ещё по полстаканчика.

Дальнейшее было похоже на сказку.

Наутро Леший показал гостю на сундук и велел взять оттуда всё, что необходимо для работы.

– Сроки ужать, рукава засучить! – уверенно повторил он недавние слова чёрта. Кстати, после замечательной ночи авторитет нечистого в его глазах заметно поднялся. – Лишних вопросов не задавать, а работать... работать..

– Хорошо, Михаил Потапович! – Степанида Ивановна разомлела под медвежьей шкурой. О работе ей думать не хотелось. Впрочем, старику это было на руку.

К обеду новоявленный бухгалтер открыла-таки сундук и извлекла на свет божий пачку чистой бумаги «Снегурочка», набор простых карандашей, точилку, дырокол, степлер, десяток печатей на совершенно разные фирмы, кучу заполнен-

ных накладных, счетов-фактур и многое другое. А под конец – старинные деревянные бухгалтерские счёты, на которых сделал почти век назад своё состояние печально известный гражданин Корейка.

– И это всё?! – в притворном ужасе воскликнула Степанида Ивановна, обратив затуманенный взор на притихшего хозяина. Тому-то вообще был неведом необходимый набор, поэтому он волей-неволей снова полез в листочек. Однако тот пока не находил нужным что-то объяснять. Пришлось выкручиваться самому.

– Чего-то не хватает?

– Компьютера, конечно! 1С! Да любой калькулятор лучше, чем эти кости динозавра!

– Программа за... загнула! – Текст, наконец, сменился, и старик с трудом одолел непонятное словцо.

– Они что там, с ума посходили? Загнула! Так можно и до глиняных табличек дойти, как в древнем Египте. Вы-то понимаете, Михаил Потапович, что в таких условиях я раньше, чем к следующему кварталу, нынешний не закрою! – Степанида Ивановна сделала большие глаза, что, очевидно, означало у неё наличие второго и третьего смысла, так что Лешему пришлось только кивать с глуповатым видом.

Конечно, он втайне надеялся, что волшебство бесов не станет распространяться на время подготовки к обеду и на сам обед. Но ошибался. Дорвавшаяся до работы бухгалтер – страшная вещь, особенно если истосковалась по настоящей-

му делу.

Зарывшись по самые уши в бумаги, Степанида Ивановна остервенелю гремела костяшками, вполголоса матерясь и сверяя полученные результаты с подсчётами на бумаге столбиком. Часто они не совпадали, и тогда они либо рычала, как зверь лесной – утробно и зло, либо ломала карандаш и заново точила. А однажды выпрямилась за столом, подбоченилась, и недовольным густым голосом произнесла:

– Что это у нас дебет с кредитом не сходится, в самом деле! Чёртова контора. Надоело уже!

Озадаченный хозяин не мог на неё надивиться. Но когда ему самому пришлось готовить обед, а потом ещё и идти на охоту, чтобы было что варить вечером, восторг его понемногу начал остывать.

Следующая ночь в какой-то степени могла компенсировать моральный ущерб, но от постоянного бормотания женщины разных непонятных слов типа «остатки средств на депозите», «целевой бюджетный фонд», с которыми она пыталась приставать к Лешему даже под одеялом, у него началась мигрень. Пришлось зажать ей рот ладонью, а она её укусила, выкрикнув при этом, как большевик на баррикадах: «Долой сметы доходов и расходов в квартальном отчёте! Даешь только в годовом!» В общем, семейная жизнь на поверку оказалась скомканной и какой-то непонятной. То ли есть она, то ли нет её...

Второй день только подлил масла в огонь. Началось с того,

что отчёт по понятным причинам застрял в зародыше. От начальника отдела не исходило никакой помощи, даже карандаши он заточить толком не мог: огромными руками удобно было держать топор, но никак не перочинный ножик. К обеду в отделе стал назревать бунт. Невесть откуда взявшиеся многочисленные подчинённые зловеще шептались между собой разными голосами, причём озвучивала их одна Степанида Ивановна. Оказалось, что подружки на неё в обиде и тоже хотели бы переспать с шефом. Саму Степаниду неудержимо тянуло домой, и она сделала не прочь передать полномочия любимой жены кому-нибудь другому. Потому, сказавшись больной, всё-таки нырнула в кровать, а за стол вернулась уже совершенно другой. Мало того, что вместо обычного платья нацепила на себя короткую юбку, так ещё и рубашку с безбожным декольте одеть умудрилась. Содержимое бюстгальтера подпрыгивало в ней при каждом движении – даже когда Степанида Ивановна писала карандашом. Звали её теперь Зиночка, она была не замужем, свободная для любых отношений, и очень надеялась выстроить их с начальником отдела.

Ролевые игры вначале потешили старика, но чем больше он втягивался, тем больше походили они на сумасшедший дом. Уже и записку волшебную Леший забросил куда-то, потому как начал медленно, но верно приходить к выводу: чёрт его всё-таки надул. Не до конца ясно, как, однако обманул точно...

Последней каплей послужил невероятный поступок Зи-
ночки. Оставшись после восьмичасового дня на трудовом
посту, она сагитировала задержаться ещё и подругу. Галдёж
в берлоге поднялся неимоверный. Дамы спорили, ругались,
делили между собой не шефа, а фронт работ. В итоге одной
досталось заполнять форму 1 – «Баланс исполнения сметы
доходов и расходов», а второй – нелюбимый ею отчёт по вне-
бюджетным источникам. Смятые листы бумаги с поломан-
ными карандашами только и разлетались в разные стороны!
Больше того, бабы начали сплетничать прямо в присутствии
руководителя, громким шёпотом называя его «тупым чур-
баком», обсуждали отстойный костюм, плохо проглаженные
брюки и то, как грубо он ведёт себя с дамами.

Лешему такой расклад нравился всё меньше, а когда при-
шлось и кормить двух сотрудниц (!), тут он почти взбунто-
вался. С одной бы управиться.

Добила его Зиночка тем, что настырно залезла под одеяло
вместе с той же подругой. Старик уже и не знал, за кого из
них ухватиться. Начинает тискать одну – другая недоволь-
ство выражает, да зачастую в язвительной форме. Мол, со-
всем старый пень сноровку потерял, ему бы валенки мять,
а не уважающих себя сотрудниц. Леший вспотел даже! Не
впервой ему было сразу двух девок охаживать, но таких гор-
ластых да недовольных – не приходилось ещё.

Насилу управился. А задремал чуть под утро – те с рас-
светом на ногах, им снова отчёт подавай. Да, похоже, на по-

мощь ещё и третью пригласили. Это и послужило последним пёрышком, сломавшим спину верблюда. Плюнул старик в сердцах – и вон из берлоги! Лучше в лесу бомжевать, чем в такой заварушке последнего разума лишиться.

Хлопнул он дверью, а за его спиной нарастал гул женских голосов: работа кипела вовсю.

Положил кузнец записку материнскую обратно на стол, а самого будто озноб пробил. Так нестерпимо сердце защемило, точно клещами его кто вытягивал из груди. Это не испуг вовсе: чтобы испугать Николу, вражеского войска мало будет. Растерялся он вконец. Всегда за бабьей защитой жил, своим умом больше технические задачи решал. А тут возникла особая – ни строительством не пахнет, ни кузницей. И главные его заступницы да советчица оказались не у дел. Вывел их чёрт из строя. Проредил грядочку, что называется. Стой теперь пеньком посреди поля – что делать, неизвестно...

Да уж, пеньком... Усмехнулся Никола горько. А почему не столбом, к примеру? Или репъём? Нет, столбом быть не хотелось, потому что проку от стояния да жалости к самому себе никакого. А вот репъём заделаться – это, пожалуй, можно. Чтобы к плешивому хвосту прицепиться да тащиться за ним по всему аду, отравляя жизнь на каждом шагу.

Расправил кузнец плечи, потому что почувствовал, что правильную стратегию наметил. Осталось только с тактикой определиться.

Вот тут и обнаружилась главная проблема. Бить врага, кусать по-комариному – это замечательно. А что конкретно-то делать? С чего начать?

И пришла к Николе мысль обратиться за советом к Ларисе, дочке сельского старосты, а по совместительству попадьи местной церкви. Ведь она, как-никак, подруга Оксанина. В тот год, когда отправились они обе за валенками, Лариса, помнится, тоже начудила немало. Поговаривали даже, с чёртом дело имела. Может, знает она к нему дорогу?

Вздыхнул кузнец на этот раз с некоторым облегчением: выход пока не нашёл, а всё не пеньком просидит вечер.

Жила Лариса теперь в доме Савелия Игнатьевича на прачках жены, поскольку свадьбу они сыграли через полгода после того, как отгуляло село у Оксаны с Николой. Венчать самого себя отцу Савелию было несподручно, потому как говорить одновременно за батюшку и жениха трудновато, да и со стороны выглядело бы странно. Однако Савелий проявил смекалку и призвал на помощь ведущего местной дискотеки в своём собственном лице.

Для пояснения надо сказать, что, кроме служения Богу, взвалил он на свои плечи ещё культурно-массовый сектор жизни сельчан. В специально отстроенном для этих целей сарае установил дизельный генератор, мощности которого хватало на освещение зала, работу старого кассетного магнитофона, усилителя и акустических колонок. Назвался ди-джем Моисеем и затеял проводить танцы для молодёжи.

Его старания не пропали даром. Парням и девкам понравилось собираться вечерами да до полуночи топтаться в тесноте, но не в обиде. Соседние деревни тоже отозвались с охо-

той. А потом, когда мероприятие набрало силу, развил Савелий свою мысль, и по воскресеньям предложил собираться в клубе и взрослому населению. Мужики с бабами тоже оказались охочи до развлечений, только песни Савелий крутил им уже другие – распевные да большей частью народные. Конечно, старался он не совсем безвозмездно, потому как за вход на увеселительную площадку брал пяток яиц или молодого общипанного цыплёнка. Но такому раскладу никто не возражал, поскольку дело было для народа нужным.

По поводу своего венчания придумал отец Савелий такую вещь: записал репетицию церемонии на плёнку, строго соизмерив интервал между репликами. Даже пригласил местных старух, которые напели ему церковные тексты на свои собственные мотивы. Получилось весьма привлекательно. И тогда, предупредив, что роль священника временно будет исполнять магнитофонная запись, а кадилом махать один из почтенных жителей села, провёл он и само венчание.

Трудно сказать, насколько соответствовало оно церковным канонам, но народ остался доволен. Особенно те старухи, которые слушали собственное пение со стороны.

Лариса оказалась женой хоть куда. Мало того, что порода у них работающая да сорить деньгами непривычная, так и изобретательности девки оказалось не занимать. Поговаривали, что именно она предложила окультурировать стариков да старух по воскресным дням. И помещение клуба не проставало, и дополнительный доход в семье появился.

Помимо того научил её Савелий некоторым действиям во время церковной службы, которые издавна исполнялись женщинами. Прежде приходилось выпускать их из вида, теперь же утренние молитвы зазвучали ещё более искренне, а свечки и полагающиеся под них бумажные пластинки раздавались прихожанам вовремя.

Лариса, равняясь на родителей, завела хозяйство. Прежде при активной общественной работе Савелию оно было в тягость. Теперь же и поросята у них появились, и козы с овцами.

Через год родила Лариса сына, и тот рос горластым и непоседливым.

Поэтому, когда подходил кузнец к церкви, возле которой и стоял поповский дом, издалека слышал он плач мальчугана. Снова дрогнуло сердце Николы: сразу пришёл на ум его Алёшка.

Савелия он отыскал на дворе прибывающим доску к ящику для цыплят. Слюнявя пальцы, вытаскивал изо рта последний гвоздь.

– Здоров будь, дядя Савелий! – произнёс кузнец, а сам посмотрел на окна дома, где, вероятно, находилась Лариса.

– И тебе тоже здоровья, Никола. Проходи. Сейчас чайку попьём.

– Некогда мне сидеть сегодня, – отмахнулся гость. – Беда приключилась.

– Да что ты! – вскинув брови, воскликнул Савелий. – Пой-

дём в дом, поделишься.

Лариса, как радушная хозяйка, тотчас стала стелить ска-терть в гостиной, но, увидев хмурое лицо кузнеца, присела на стул.

Поведал им Никола всё, что знал, а поскольку придумать был не мастер, рассказ получился коротким, но тяжёлым. Пересыпал кузнец слова свои вздохами да угрюмым сопением.

Окончил – и нависло над столом молчание. Каждый мысленно ещё раз перебирал подробности, чтобы сделать хоть какие-нибудь выводы. Наконец, Савелий забарабанил пальцем по доске для разделки овощей, и произнёс задумчиво:

– Новость, прямо скажем, серьёзная. Если всё правда, то сознание пролетариата будет перевернуто на сто восемьдесят градусов.

– Не выпивал я уже две недели, дядя Савелий! – развёл руками Никола. – Не могло мне привидиться. К тому же, Оксана лежит в доме, ни жива, ни мертва.

– Это самое главное доказательство, – кивнул хозяин. – И яблоко, пожалуй.

– Верь ему, Савелюшка, – произнесла вдруг Лариса и сделалась загадочной, как Мона Лиза. – Не путает он ничего.

Удивлённо хмыкнул Савелий, но спорить с женой не стал.

– Стало быть, принимаем версию безоговорочно, – произнёс, стукнув по столу рукой. – Второй вопрос на повестке дня: что делать. Так я понимаю?

Никола кивнул и опустил лицо. Признаться в своём бессилии не позор, особенно в таком запутанном деле, но и для этого поступка требуется мужество.

— Хотел ты, Никола, спросить у меня, не знаю ли я дороги в ад? — Лариса посмотрела ему в лицо прямо, потом перевела взгляд на мужа.

— Да...

— Так вот, отвечу: не знаю. И никогда не знала. Потому как тот, о ком ты говорил только что, появляется неизвестно откуда и туда же пропадает. И о делах своих он добрым людям не рассказывает.

Снова вздохнул кузнец и промолвил:

— Я догадывался об этом. Но надеялся уцепиться хоть за какую-нибудь ниточку.

В этот момент Савелий поднялся, погладил бороду и веско сказал:

— Сдаётся мне, есть такой человек, который информацией владеет. И верёвочку указать может. Только подход к нему требуется неформальный... я имею в виду, нетрадиционный... тьфу, напасть какая! Особый, словом. Он хитёр, и много чего знает, но мало говорит.

Лариса с кузнецом посмотрели на него вопросительно, и хозяин усмехнулся:

— Васюк это. — А потом добавил: — Только сразу говорю тебе, Никола: пойдём к нему вдвоём, Ларису с собой не берём. На сносях она. Подвергать риску не рекомендуется...

Сколько Васюку лет, никто, наверно, и не помнил. Появился он в деревне давно, поселившись в доме, стоящем на отшибе. Кто этот дом построил и куда делись прежние владельцы, история тоже умалчивает. Известно лишь, что и рощица, возле которой дом располагался, и ближайший к ней лес, пользовались в народе дурной славой. Случалось, видели там медведей, которых привлекал запах, доносящийся с пасеки старика. Кабаны и лоси вообще столько следов оставили, будто стадами к роще являлись. Хотя ни дубов с желудями, ни грибов там особо не водилось.

Пасека была одним из любимых занятий Васюка, которому он посвящал почти всё своё время.

Экология текущего века испортилась настолько, что после первого десятилетия люди стали бить тревогу: пчёлы погибали по всей Европе и даже в России. Как оказалось, поля засеивались генномодифицированными растениями, пыльца и нектар которых несли в себе информацию, разрушающую генную структуру живых организмов. Насекомые, питающиеся мёдом, перестали воспроизводиться. То же самое в какой-то степени коснулось и человека.

Природные катаклизмы и революции остановили этот процесс, но ульев по деревням да сёлам осталось совсем мало. Вот Васюк и задался целью восстановить их количество.

Поймал в лесу дикий рой – там пчелы ещё не сполна нахлебались лиха – одомашнил и стал размножать.

– Мёд – всему голова! Правда, после хлеба.

Сил у него с каждым годом становилось всё меньше, а лет семь назад, рассказывали люди, пришлось пережить Васюку встречу с шатуном.

Страшный это был зверь, надо заметить. Голодный и злой, похуже стаи волков – случалось, разрывал человека в клочья. Много народа сгинуло в тот год от его когтей. А осуждать такого – дело последнее, поскольку всякий выжить хочет при любых обстоятельствах. Не повезло зимой косолапому – разбудили. Так он свиарников только десятков разорил, не считая цепных собак, которых загрызал и ел на месте.

И случилось так, что столкнулись они с Васюком носом к носу возле самого дома. Дед как раз с кроликом зарезанным возвращался, нож в руке держал. Наверно, запах крови и привлёк зверя. Набросился он на старика, будто буйвол, а рычал так, что у нескольких коров в селе преждевременные роды случились. Но и Васюк, не скажи, что кряжистый или жилистый – обычный с виду, к тому же и возраст был за шестьдесят, наверное, не отступил ни на шаг. А куда, если всё равно догонит и со спины рвать будет? Ножик-то смешной оказался, чуть больше кухонного – хорошо, что острый, как бритва.

Изодрал человека медведь до полусмерти, но и сам дух испустил. Навалился на Васюка, насилу три человека тушу

оттащили. Огромный оказался зверюга. Повезло деду.

Правда, отлёживался он тогда недолго. Попросил сварить ему отвар из трав, набранных бабами по его списку, да остуженный по особой технологии. Чудодейственное оказалось варево. Через три недели ходил как огурчик. Среди женского населения тогда даже ссора пошла – кому первому под Васюка клинья забивать. А тот все потуги отмёл разом, сказав с усмешкой во весь рот:

– Я ведь, бабоньки, первую-то жену со свету сжил. Не испытывайте судьбу.

Они и отступились. Все, кроме одной. Та упорствовала до последнего часа, пока в лесу однажды летом не сгинула. Не нашли её – может, в болото за клюквой забралась, да утонула, может, волки съели. Год тогда выдался нехороший, пожары в лесах дымили. Зверьё стаями бродило в поисках новых мест обитания.

Кроме житейской обособленности, славился ещё Васюк нравом насмешливым и неуспокоенным. Любил сельские сборища, где чудил и речами восстанавливал против себя народ. А когда упрекали его в паясничестве да злословии, смеялся, высовывал язык и пояснял:

– Он же у меня двойной, как у гадюки. Убедитесь сами, если не верите. Накоплю яду, а куда ж его девать? Не себя же за хвост кусать.

Кое-кому действительно мерещилось раздвоение, только больше спьяну. Ну, и Васюку доставалось от мужиков. У тех

же нервы не железные. А побить старика – дело плёвое. Заваливался даже от ветра, который летящий к нему кулак создавал. Упадёт, бывало, охает: «Лежачего не бьют... лежачего не бьют...», а сам всё пнуть обидчика норовит. Вот каким противным уродился!

Пьяным его тоже никто особо не видел. Разве что пару раз за все годы. Редкий мужик мог этим похвастаться. Народ в массе своей не знал, чем заняться в свободное время. Когда хозяйство исправно живёт бабьими заботами, да зима на дворе – сам Бог велел самогонку гнать. Тем более что для этих целей свёкла специально выращивалась. Те, кто позажиточней, пили, конечно, меньше, и не такое пойло: дурил свекольный самогон сильно. Нормальные люди предпочитали зерновой.

В своё время не приобрёл Васюк ни автомобиля, ни культиватора. Может, и правильно: чувствовал, что скоро всё это станет пережитком прошлого. По старинке копал огород лопатой. Но привиделось однажды бабе, возвращавшейся из леса затемно, что не сам старик ею машет, а будто медведь какой. Даже недовольное рычание слышала. Только никто ей не поверил, потому что, во-первых, баба она, а во-вторых, что можно разобрать в темноте?

Жил Васюк бедновато, предпочитал по рынкам не ездить. Мёд, конечно, продавал, но покупал на вырученное только муку да соль с сахаром. Про всё остальное говорил: «От беса!» – и ухмылялся при этом. Носил чужие обноски, пода-

ренные сельчанами. Не гнушался даже раздаваемым после покойников добром.

Почему из всего села выбрал отец Савелий именно Васюка, для кузнеца оставалось загадкой.

Они направились к его дому вдоль картофельных полей по поросшей густой травой грунтовой дороге, ступая каждый в своей колее и обсуждая, что могут узнать от старика. Поп едва поспевал за размашистыми шагами спутника, но при этом значимости в речах не терял.

– Скажу я тебе одну вещь. Васюк сведущ не только в пчёлах. Знаешь, что такое йога?

Никола пожал плечами. Конечно, слышал когда-то по молодости, но в подробности не вдавался.

– Это культура и наука одновременно. Даже мировоззрение, я бы сказал. Хитрое весьма, и глубокое, открывающее необыкновенную картину мира, – пояснил Савелий. – Если проникнуть в её сокровенную тайну – я имею в виду культуру, тем самым развяжешь узелок с правильным видением окружающего. Конечно, православие даст ей сто очков форы, но!.. – При этом он поднял указательный палец. – Не нужно забывать, что народ православный в массе остаётся тёмным и недалёким. Йога же развивает сознание и интеллект.

– Это к чему, дядя Савелий? – не понял Никола.

– Показывал мне Васюк некоторые позы, удивительно похожие на картинки из статей про йогу. И сказал, что помо-

гают они здоровье поддерживать, в том числе и душевное.

– Тоже, небось, начитался когда-то! – отмахнулся кузнец.

– Спросил я его об этом. Говорит, если внимательно вокруг посмотреть да у природы учиться, никакие книжки не нужны. Хотя, – Савелий пожал плечами, – может, и лукавит он. Шкаф-то у него журналами забит дореволюционными.

– То-то и оно...

Пройдя последние усады, Никола со спутником свернули напрямик к берёзовой роще и двинулись через поле по едва приметной тропинке. Нескошенная трава дурманила запахом. Густая была, и, наверное, жила ожиданием косы, как девица ждёт жениха заветного. Насекомые стрекотали и жужжали, пользуясь погожим деньком. У них свои заботы: жизнь скоротечна, нужно успеть порадоваться ей.

Дом прятался за свисающими почти до земли ветвями берёз и стоял, покосившийся и убогий. Впрочем, старику, доживающему свой век, и того хватало с избытком. Сзади находился пристрой для скота, дальше до самого леса тянулся огород. А лес-то – вот он, казалось, протяни руки и дотронешься.

Вошли во двор. Палки в ограде местами сгнили, и забор выглядел жалким.

– Плохо ещё живёт у нас народ! – вздохнул Савелий, и они постучались.

Никто им не открыл, даже не отозвался, но, зная привычки хозяина, Савелий толкнул дверь, и та со скрипом подда-

лась. Пройдя тёмные сени, зашли они в дом, но и там деда не оказалось.

Крайне бедная обстановка, наверно, устраивала его, потому что мог же он себе позволить обновить хотя бы стол. Теперешний был неряшливо сколочен из ошкуренных берёзовых жердин, которые сверху не накрывала даже фанера. Вдоль одной стены стоял книжный шкаф, действительно набитый до отказа старинными журналами типа «Наука и жизнь» и «Моделист-конструктор». Вместо кухонного серванта использовался обычный комод, заставленный сейчас немытой посудой.

– Может, на огороде, – предположил Никола, но в этот момент его спутник указал пальцем на откинутую крышку погреба.

– Вот он где, старый хрыч. Забрался в подпол и ничего не слышит!

Они подошли к яме и снова позвали хозяина. В темноте никто не пошевелился и не зашуршал.

– Не случилось с ним плохого? – забеспокоился кузнец.

– Это запросто! – кивнул поп, осенив себя крестом. – Возраст-то у него... гм... неопределённый!

Действительно, по лицу Васюка трудно было сказать, сколько ему лет. Взглянешь мельком – моложавый старикан, ещё жить да жить. А иной раз присмотришься внимательнее – морщин на лице столько, что грецкому ореху завидно.

– Наверно, нужно заглянуть, – неуверенно предложил Ни-

кола.

– Полезли вместе. Я первый, с Божьей помощью. Эх! – сказал Савелий, опускаясь на четвереньки. – Зажечь бы чего... Да ладно, разглядим.

Окна в доме были не занавешены, но света пропускали очень мало из-за столетней грязи и паутин, висевших на каждой раме. Савелий ухватился за лестницу, заканчивающуюся где-то в темноте, и поставил ногу на первую ступеньку...

Через полминуты его голова исчезла, и кузнец тоже приготовился к спуску. Он намного ловчее соскочил почти до пояса, повиснув на руках, упёртых в проём погреба, потом взялся за перекладины – и двинулся следом. Но едва опустил ногу ниже, как его окутала непроглядная тьма, в которой даже дышать сделалось трудно. И ни над головой, ни по сторонам не было видно никакого просвета...

Завертел Никола головой – ни дать ни взять пустота вокруг, даже взгляду зацепиться не за что. Только вот на ощупь вроде как ступени чувствуются, а и тех не видно – в сумраке утонули.

Крикнул Савелия – не отвечает. То ли туман такой плотный, то ли далеко вниз спустился.

При мысли, что здесь и заблудиться немудрено, похолодело внутри у кузнеца. Чертыхнулся он и торопливо двинулся следом. А тьма только сгущается, подвальная прохлада сменяется будто могильной. Конечно, что от страха не подумается, но решил Никола, что нашли они то, что искали – дорогу в самый ад. Потому как обречённость здесь чувствовалась полнейшая. Не будь он настроен спасти других, ни в жизни не полез бы в такой склеп: больно жутко.

Замечено давно уже: когда люди остаются одни и делается им не по себе, начинают они говорить вслух. И Никола тоже забормотал, чтобы подбодриться от своего голоса. Но ведь не стишки же читать – затеял хозяина дома материть. Без злобы, конечно, только для проформы.

И вдруг – будто пелена стала прозрачней. Снизу свет забрезжил, спускаться сразу стало веселее. Цель – она всех бодрит. Даже лошади, чуя ночлег, прибавляют шаг.

Ещё раз позвал он спутника, и донёсся до него отклик: не

иначе близко уже Савелий-то был. И точно – ещё несколько ступеней, и брызнуло светом, воздух сделался прозрачнее и свежее, и даже ветерок пахнул многотравьем.

– Давай, давай, посмотри, какое здесь чудо! – услышал Никола и наконец-то вырвался из редеющего тумана. Но тут же плюхнулся вниз, и, едва собравшись да приготовившись к худшему, повалился на землю.

Над ним разбросал свои ветви огромный дуб в три обхвата, так что выходило, будто упал он с самой нижней его ветки. Небольшую полянку обступили другие деревья, а сама она благоухала цветами и была наполнена уже знакомым жужжанием насекомых. Ничего особенного – лужайка как лужайка. Васильки с ромашками размахнулись, колокольчики голову склонили, а зверобой, наоборот, поднял. Тимофеевка выше всех торчит, пижма под ней подлеском стелется. Даже клевер дикорастущий где-то на окраине приютился.

– Где это мы, дядя Савелий? – ошарашенно спросил кузнец, вертя головой и мало что понимая.

– Ты думаешь, я знаю больше твоего? – усмехнулся спутник, стоящий чуть поодаль. – Сам только что сел на пятую точку. Ведать бы про такое – ноги поджал бы предварительно. Как мешок с костями спланировал.

Они затратили некоторое время на изучение местности, но нашли только небольшую тропку, уходящую в глубину леса.

– Значит, проторена дорожка-то! – сделал вывод Саве-

лий. – Не первые мы здесь. Видно, Васюк про это место вперёд нас пронюхал.

– Чудно больно, – высказал мнение Никола. – Из подпола сразу в лес – это колдовством пахнет.

– А что удивляться! Сам видишь, какая нелепица вокруг творится. В прошлые времена о таком и не помышляли. Где это видно, чтобы нечисть без присмотра по дворам людским шастала?

Посоветовавшись, решили они идти тропинкой дальше, потому что коли сподобило их сюда забраться, значит, есть в том промысел Божий. Может, и ведёт он к разгадке тех тайн, что перед ними возникли.

– К тому же, – добавил резонно Савелий, – обратной дороги мы всё равно не знаем.

Вооружившись верой и изготовленной наспех дубиной, двинулись они в глубину леса.

Лес как лес: комарьё звенит, берёзы перемежаются с елями и сосенками, кусты рябины да бузины вторым ярусом гущу создают. Только далеко идти не пришлось. Едва вильнула тропка пару раз, обходя сваленные бурей деревья, потом расширилась чуток – и увидели они одиноко стоящий пенёк, на котором восседал дед Васюк собственной персоной.

Был он одет не совсем обычно. Вместо рубашки холщёвой куртка из звериной шкуры – чтобы гнус не прокусывал. А руки всё равно оголены да на вид совсем не стариковские – кряжистые такие, узловатые. Штаны тоже кожаные, плохой

выделки. Может, не дубили её, а просто сшили и носили, куда шерсть сама не повылезала. Для зимы и холодновато, а летом – в самый раз, особо в чаще лесной. В довершении ко всему на ногах непонятно почему тапочки домашние надеты. Для форса, что ли...

– Вот так встреча! – воскликнул Савелий, между тем многозначительно ткнув спутника в бок, да так, что тот разве не охнул. Напрягся сразу Никола, оглядываться по сторонам стал и дубину свою перехватил поудобнее.

– Ну, я-то вас давненько поджидаю, – усмехнулся Васюк, продолжая сидеть.

– Стало быть, догадался, что мы к тебе идём, старый хрен?

– Нынче без догадливости пропадёшь.

– И то верно. А почто ты нас в такую Тмутаракань затащил? Неужто нельзя было по-человечески встретить, в доме? – Савелий прищурился, а глаза-то у него забежали по сторонам, выискивая что-то по ближним кустам.

– Отчего же, можно было. Только и вы, похоже, ко мне дело пытаете не простецкое. – Старик полез в карманы и вытащил оттуда трубку с кисетом. Неторопливо набил, чиркнул спичкой, затянулся и крикнул от удовольствия.

– Хороший табак... Не то, что прежде продавался, с отдушками.

– Так какой леший тебя сюда затащил? – спросил вслед за тем Савелий, на этот раз оглянувшись через плечо.

– Да ты, добрый человек, не пужайся, – благодушно оста-

новил его Васюк. – Нет у меня в рукаве козырей-то. Не игры играть завёл вас сюда. А насчёт лешего – угадал ты! – И усмехнулся во весь рот, так что зубы блеснули – но не гнилые да чёрные, как прежде, а ровные и белые, что волчьи – можно берцовую кость разгрызать. – Он и затащил, если посудить. А вернее сказать, не отпускает. Братан он мой кровный, как его одного бросишь-то!

Глаза у Николы раскрылись так, что Васюк, глядя на него, развеселился. Хохотнул даже, но без обычной издёвки. Да и то скажешь – простому человеку такое услышать не каждый день достаётся.

– Верно, думаешь, сказки рассказываю? – спросил он, обращаясь на этот раз только к кузнецу.

– Похоже, дядя Васюк! – растерянно ответил тот.

– Нет, уже давно вышел из такого возраста. Ведь мне, почитай, три сотни лет будет в обед! – Он снова пыхнул дымом.

– Что же ты привычку свою не изживёшь никак? Здоровье лишнее, что ли? – Вставил Савелий.

– Здоровья много не бывает. Только привычка – вторая натура. Так у вас, людей, говорят.

– А зачем вышел из леса, если и табак у нас плохой, и бабы дуры?

– Любишь ты, Савелий, подковырнуть! – затрясся от смеха дед, схватившись за бока.

– И ты, знаю, возможности не упustiшь!

– Точно! Это по мне. А что до табака и баб...Положим,

бабы-то как раз встречаются всякие. Марфу помнишь, что пропала семь лет назад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.